

К ПРОБЛЕМЕ ИСТИНЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Суховой А. Н.

Харьковская государственная академия дизайна и искусств, г. Харьков

Нынешнее состояние общества, во всяком случае западного, про-западного или считающего себя таковым, принято ещё до недавнего времени считать постмодернистским. Отдельные философы (С. Жижек в кабинетном режиме, например) и довольно многочисленные, в большинстве случаев имперсональные, «голоса» мультимедийной сферы, вещают о пост-постмодернистской ситуации, делая поправки в отношении некоторых развивающихся или «недоразвившихся» стран, именуя их состояние как «пост-недомодернизм» или «недопостмодернизм» (А. Мамалуй).

Само понятие истины для данных тезисов в силу понятных причин рассматривается в весьма усеченном виде. Речь не идет об истинах точных наук, не о логике, хотя бы формальной. Необходимо сфокусировать внимание на понятии истины в гуманитарных дисциплинах. К нему может относиться понятие тождества, зачастую лежащее в основе определений истины, оговаривающих в качестве последней методы интерпретации и эксперимента (психоанализ, например).

Древнегреческие мыслители ставили вопрос об истине в онтологическом ключе («архе» натурфилософов, «бытие» Парменида, «логос» Гераклита, «Благо» Платона). Средневековые мыслители видели свою задачу в рационализации божественного откровения (философия – служанка теологии). Кант совершает поворот в теории познания, показывая границы «чистого разума». Истины повседневности, «прописные», частные относятся к «мнениям» и в круг философских вопросов не входят. Для Ницше истина – полезный род заблуждения. Это сближает его с прагматизмом: истинно то, что полезно. В XX веке произошёл лингвистический поворот. Отныне язык не сводится к орудию мысли, а воспринимается как её местопребывание, её среда (аналитическая философия, философская герменевтика). Хайдеггер утверждает, что мы «пре-бываем» при языке (вспомним его знаменитое «язык – дом бытия»). Однако Витгенштейн, считая язык главным человеческим продуктом, полагает, что говорим всё же *мы*, т.е. правила языковой игры созданы человеком, даже если люди этого и не сознают: «языковая игра неразумна (или сверхразумна). Она пребывает – как наша жизнь». Крупнейший представитель философской герменевтики Гадамер, переводя вопрос бытия языка в сферу интерпретации, допускает, что каждый интерпретатор не обязательно *сознательно* спекулятивен, т.е. что он обладает сознанием догматичности своих собственных интерпретативных намерений. Гадамер считает, что именно герменевтика благодаря диалогическому отношению текста и его интерпретатора даёт основание для всё более совершенного понимания заключённого в тексте сообщения (подобно некому новому творчеству). Для деконструктивизма же, в лице Деррида, философская герменевтика логоцентрична и навязывает свою рациональность, подавляя индивидуальность и различие, сковывая возможности множественной интерпретации текста, который, по мысли последнего, сам указывает на свои собственные основания, их отрицает и с помощью подобного парадокса порождает смысл. То есть смысл в процессе деконструктивистской деятельности растворяется в многозначном переплетении смысловых связей, предшествующих языку.

Создаётся впечатление, что это новая встреча «обобщённого» софиста и философа с их отношением к истине, в данном случае выраженной в текстуальности. «Человек есть мера всех вещей, существующих как они существуют и не существующих как они не существуют». Эти слова софиста Протагора словно легитимизируют право на «неограниченный семиозис».

Пугающую вседозволенность истолкования (текст не владеет ничем, интерпретация всем) в конце концов вынужден был признать и автор идеи «открытого» произведения Эко, призывающий интерпретатора отталкиваться от значения *нулевой степени* – того, которое можно найти в самом глупом и примитивном словаре, того, которое закреплено в языке на

данный исторический момент, того, которое ни один из членов данного языкового сообщества в здравом уме не станет подвергать сомнению. Простые слова Ахматовой «бессмертие – это когда о тебе говорят на кухне» подразумевают творческое бессмертие, непрекращающийся интерес (интенцию) к тем или иным текстам. Для Эко принцип неограниченного семиозиса всегда выступал как «святая святых» семиотической теории. На практике же этот принцип, радикализированный деконструктивизмом, обернулся гиперинтерпретацией.

В русской литературе есть несколько подобных (и весьма забавных) примеров: учитель словесности Передонов из «Мелкого беса» Ф. Сологуба, строчку «...с своей волчицею голодной выходит на дорогу волк» («Евгений Онегин») превративший в своеобразное назидательное правило из «Домостроя», персонаж рассказа Шукшина «Забуксовал» с его навязчивым непониманием смысла образа гоголевской «тройки». Но одно дело – персонажи, а другое – реально существующие читатели-интерпретаторы. Традиционный подход к фигуре автора заключается в признании того, что именно он организует текст и задаёт основную тему и идею произведения. С точки зрения теории языковых игр неважно, какая реальность формирует его дискурсивность. Можно быть убеждённым атеистом и одновременно признавать существование правил игры в рамках религиозного дискурса, предлагая свои интерпретации истории Саула и аэндорской волшебницы или других библейских событий. Если сущность истины предполагает свободу (Хайдеггер), то каким образом можно в принципе отличить свободу от произвола? Среди сложных, порой запутанных донельзя историй отношений в рамках треугольника (иногда называемого «Бермудским») «автор – текст – читатель» в зависимости от метода делается упор либо на том, что главной задачей интерпретатора является понять замысел автора ($A=A$) или же сделать упор на тексте самом по себе.

Однако само понятие текста тоже может быть подвергнуто сомнению. По словам Тодорова, «текст – это всего лишь пикник, на который автор приносит слова, а читатели – смысл». Речь сейчас идёт не просто о «смерти автора» (Барт). «Джинн» истолкования, выпущенный на свободу, безусловно, способен «продлить» существование того или иного текста благодаря «подключению» к этому процессу всё большему числу читателей и, соответственно (хотя и не всегда: вспомним призыв Зонтаг отказаться от интерпретации, «подвинув» рефлектологию критиков), интерпретаторов, не имеющих необходимой квалификации. Теоретически (подобно персонажу шукшинского рассказа), каждый имеет право на собственное понимание и истолкование текста, независимо от уровня образования и наличия университетского диплома. Оригинальность, новизна трактовки в принципе только приветствуются, а периодическое доминирование одного из пластов текста – процесс естественный, подобно смене времён года (в Волке из басни Крылова русские читатели видели Наполеона, в гофмановском «Крошке Цахесе» немецкие (критично относящиеся к национал-социализму) – Гитлера). Можно вспомнить в этой связи споры вокруг гоголевской «Шинели», когда тот или иной подход (биографический, социально-исторический, формальный (Эйхенбаум), религиозный (Ченцо ди Лотта), онтолого-поэтический (Карасёв)) «обтёсывают текст в своих целях». Формула интерпретации « $A=A$ », следовательно, может меняться на « $A = A1$ », « $A=A2$ » и т.д. В случае с рассказом «Забуксовал» отношение к Шукшину как к автору не локутивных, а иллокутивных актов (содержащих не простую описательность, а скрытый призыв: «Ссадить Чичикова!») становится доминирующим в социально-нравственном и даже политическом аспекте.

Предлагается относиться к фигуре автора в непопулярном после распада метафизического дискурса аспекте ответственности. Это не обязательно подразумевает чувство имплицитного уважения, но требует внимательности и хотя бы какой-то доли «интеллектуальной честности» (Ницше). Никакая «бесконечная игра знаков», пусть даже в самой привлекательной, эстетически захватывающей «игре в бисер» не должна отменять некоторые очевидные вещи. Диалогическое отношение интерпретатора по отношению к автору (Бахтин, Гадамер) на практике действительно может быть осложнено «пустотами» и

«темнотами» текста. С другой стороны, степень художественности текста зачастую зависит именно от недосказанности (описание лунной ночи буквально несколькими словами в чеховской «Чайке»). Само название произведения (с оговоркой, что текст и произведение – не одно и то же) может быть дано автором в юмористическом, сатирическом, ироническом ключе. В примере с рассказом Чехова «Тина», при некоторых неясностях текста название всё же полностью соответствует содержанию. Однако некоторые исследователи в процессе бесконечного семиозиса совершают немислимое, действуя в отношении смысла текста по формуле « $A = -A$ », что можно смело приравнять к «убийству» автора. А именно: «тиной» названа не ситуация, в которой оказался один из главных персонажей произведения (а также во многом и его брат: потеря денег, весьма сомнительная связь с представителями еврейского финансового капитала, по сути дела отказ от планируемой женитьбы во имя незаконной связи), а, наоборот, ситуация, в которой они могли бы оказаться в будущем, если бы они не совершили вышеупомянутое.

Хотелось бы, чтобы интерпретатор называл вещи своими именами, а не извращал, пусть даже и оригинальным способом, авторскую интенцию. В этой связи хочется призвать гипотетического интерпретатора к нравственной ответственности за сознательное искажение авторского замысла и привести слова Сёрла по отношению к Деррида в защиту своего единомышленника Остина: «Если Вы играете по правилам языковой игры Остина, если Вы уважаете его мотивы и намерения, тогда Ваша критика не работает. Если же <...> Вы вправе читать его, как Вам вздумается, если Вы рассматриваете его, например, психоаналитически, тогда Вы не можете утверждать, что *критикуете* его; Вы просто используете его как персонаж своих фантазий, давая волю цепи ассоциаций, не имеющих отношения к проекту Остина.»

Научиться отделять собственную интенцию от авторской – не только профессиональная, но и нравственная обязанность интерпретатора перед лицом истины в просвете бытия.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ТЕХНИЧЕСКОГО И НАУЧНОГО ЗНАНИЙ

Тарароев Я. В.

*Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт»,
г. Харьков*

В данной работе рассмотрен вопрос о зависимости развития науки и техники от социальных, мировоззренческих и ценностных установок, господствующих в определённой культуре и обществе. Особую актуальность этот вопрос приобретает в связи с прогнозируемой четвёртой технологической революцией (см. [1]) или как ещё называют этот процесс сменой технологического уклада, который, уже начался и по мнению специалистов, будет интенсивно происходить в ближайшие десятилетия и даже годы. По прогнозам специалистов, эти изменения будут вызывать как изменения в отношениях «человек – техника», так и изменения в отношениях «человек – человек». Причём система «человек – техника» является системой с положительной обратной связью, а это означает, что изменения в отношениях «человек – техника» будет стимулировать изменения отношений в системе «человек – человек», которые, в свою очередь будут вновь менять отношение «человек – техника». На данный момент сложно делать прогнозы относительно характера этих изменений, однако, для облегчения этой задачи необходимо понять характер этих изменений, происшедших ранее. Наиболее значимым изменением в сфере техники и технологий, которые существенным образом изменили социальные отношения, была индустриальная революция, переход к индустриальному, массовому промышленному производству, что вызвал становление и развития новых типов отношений – капиталистических, и новый тип общества – буржуазное общество. Все эти изменения дают